

чески встречалось у его предшественников. Хорошо, без искажений и существенных редакторских поправок записанные тексты произведений фольклора — не редкость в рукописных сборниках и песенниках XVII—XVIII в. Встречающиеся здесь случаи непоследовательности, разнобоя — естественный результат работы многих лиц и вмешательства переписчиков. Известно, что Чулков должен был исправлять ошибки, накопившиеся в песенниках, и пытался восстановить правильные чтения в песнях. Но он же допускал вмешательство в отдельные тексты, исходя из собственных литературных и цензурных соображений.

По-видимому, такое вмешательство не было свойственно Кирше Данилову. Мелочная правка текстов была ему чужда. Он был совершенно свободен от каких-либо соображений цензурного порядка, от влияния поэтической моды, официального вкуса и т. д.

Вместе с тем точность передачи живого фольклорного текста у Кирши Данилова имеет свои пределы, обусловленные рядом обстоятельств.

Передача народной песни с ее языковой характерностью, с речевыми особенностями певцов, сохранение диалектных черт и различных подробностей, свойственных живому исполнению, — все это у Кирши Данилова отнюдь не результат филологической подготовки и действия осознанных фольклористических правил. Кирша Данилов писал, как слышал (а слышал он хорошо, так как принадлежал той же самой среде, что и певцы, и сам мог быть певцом), его манера была вполне традиционной и обычной для людей из народа, прошедших элементарную школу грамотности и воспитанных на рукописной книге. Между прочим, во многом сходны записи Касьянова. От традиций старой книжности идут и внешние особенности письма Кирши Данилова: предлоги и союзы пишутся у него обычно слитно с другими словами, знаки препинания почти отсутствуют, песня пишется в сплошную строку, стих никак не выделяется. Не стану говорить о других внешних особенностях рукописи, поскольку неясно, что в них должно быть отнесено на долю создателя книги, а что принадлежит переписчикам. Характерно, во всяком случае, что писцы, копировавшие «Сборник», отнеслись к нему безусловно как к обычной старинной книге и не пытались как-то модернизировать его внешний вид.

К текстам былин и песен Кирша Данилов относился с той бережностью, которая отличает истинного собирателя и которая обеспечивает добросовестную и относительно точную запись. Эти добросовестность и точность подкреплялись еще и тем, что Кирша Данилов, безусловно, знал не со стороны народную художественную традицию.

При всем том его записи нельзя рассматривать как абсолютно точное воспроизведение народно-поэтических текстов.